

Вера
РУДЕЦКАЯ

Ева
БАЛЕТТИ

БЫВШИЙ

(Не) возвращайся
В сердце

18+

Ева Валетти

**БЫВШИЙ. (не)
возвращайся в моё сердце**

«Автор»

2026

Валетти Е.

Бывший. (не) возвращайся в моё сердце / Е. Валетти — «Автор»,
2026

Когда-то я любила его больше жизни. А потом потеряла всё: семью, будущее и веру в людей. Восемь лет я собирала себя по кусочкам, чтобы построить новую жизнь. И вот он вернулся, чтобы снести её до основания, и утверждает, что у него есть на это причины. Говорят, настоящая любовь способна пережить всё. Осталось только понять: выдержит ли она предательство и ненависть?

© Валетти Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение балканского ветра	5
Глава 2. Этажом ниже	8
Глава 3. Этажом выше	11
Глава 4. Вода с лимоном	14
Глава 5. Верный союзник	17
Глава 6. Шёпот из прошлого	19
Глава 7. Один месяц на любовь	21
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ева Валетти, Вера Рудецкая

БЫВШИЙ. (не) возвращайся в моё сердце

Глава 1. Возвращение балканского ветра

Есть мужчины, которых невозможно забыть, даже если очень хочется.

Мне казалось, за восемь лет я наконец научилась жить без Стефана Радича.

А потом в мою машину врезался черный внедорожник. Тогда я еще не знала, что спустя несколько секунд из покорёженной машины выйдет мой бывший муж.

Восемь лет — приличный срок. За это время я открыла агентство, закрыла ипотеку и научилась спать одна на кровати шириной два метра. Иногда мне кажется, что я справляюсь слишком хорошо. Строишь себе жизнь по чертежу, доводишь до идеала каждую деталь, а потом стоишь внутри и слушаешь, до чего в ней гулко.

Впрочем, сегодняшний день удался.

Лера роняет коробку с макетами прямо у лифта.

— Яна Андреевна, я сейчас всё соберу.

Она стоит на коленях среди распечаток, и у нее дрожат ресницы. Двадцать три года, первый крупный проект, ночь без сна. Знакомая история.

Я опускаюсь рядом на корточки — в юбке-карандаше зрелище так себе — и складываю листы по порядку.

— Выдохни. И покажи мне охряный вариант.

Она протягивает лист. Я смотрю.

— Его и покажем первым. Остальные положим для приличия.

Лера смотрит на меня так, будто я разрешила ей жить дальше. Она успокаивается. Это единственный управленческий фокус, который работает всегда: дать человеку доказательство его состоятельности ровно за минуту до того, как оно понадобится.

В десять в переговорной сидят шестеро из «Северного дома»: сеть отелей, четырнадцать регионов, бюджет с достойным количеством нулей. Их директор по маркетингу разглядывает охру.

— Слишком смело. Но черт с вами, Корсакова. Берем охру.

Подписываем.

В час дня Лера визжит в коридоре, за что получает выговор и премию — именно в таком порядке. В два курьер привозит букет от клиента: белый, размером с куст сирени, с открыткой «Спасибо». Ставлю его на ресепшен. Дома показывать некому, а здесь хоть люди порадуются.

К пяти появляется Матвей — ноутбук под мышкой, два стакана из кофейни на первом этаже.

— Американо. Без сахара, — он ставит стакан на угол моего стола. — Я отстоял очередь из четырех человек. Считай это подвигом.

— Считаю. Могу выдать грамоту.

— Выдай лучше пропуск в новый офис на постоянной основе. — Он разворачивает экран. — Сеть развел, шлюз поднял, доступы настроил. Осталось решить, кто получит права администратора.

— Ты, конечно.

— А я готовился уговаривать. У меня было три аргумента в мою пользу.

— Прибереги до корпоратива.

Он улыбается и смотрит на меня неотрывно. Матвей вообще слишком часто на меня смотрит. Пять лет назад я вытащила его из истории, где ему светил срок за чужую глупость, и с тех пор он всегда рядом.

— Кстати, — говорит он, закрывая ноутбук, — шестой этаж в нашем новом здании арендует подрядчик. «Радич Инвест», строительство.

Я давлюсь кофе, но тут же беру себя в руки. Фамилия распространенная. В Белграде их, наверное, по три на улицу. А тот Радич давно уехал и возвращаться не собирается.

— Понятно, — говорю я.

Перед выходом стою у зеркала, застегиваю пальто. На шее греется тонкая цепочка. Тяжелое кольцо висит напоминанием о крахе. Я сняла его восемь лет назад, но сохранила. Это память о моей слепоте. Память о дне, когда посторонняя женщина заняла мое место в нашей спальне. Каждое утро застегиваю этот замок. Каждый вечер обещаю себе выбросить.

Прячу золото под свитер, гашу свет.

Садовое стоит.

Восемь вечера, ноябрь, асфальт блестит от мокрого снега, и вся Москва одновременно решила поехать домой. Я двигаюсь метрами. Впереди — цепочка красных огней до самого горизонта, позади — то же самое в зеркале.

Звонит телефон. На экране «Мама».

— Яночка, ты за рулем? Тогда я коротко.

Мама говорит коротко минут двенадцать. Про соседку Валю, у которой протек потолок, про давление, про то, что в четверг она едет к тете Гале и вернется в воскресенье. Я слушаю и вставляю «угу» в нужных местах.

— Ты ела?

— Мам.

— Я же просто спрашиваю.

Мама у меня одна. В смысле — она единственный человек, который звонит мне без повода. Отец ушел, когда мне было девять. Друзья по прошлой жизни остались в прошлой жизни: их отсортировали в тот год очень аккуратно, и я до сих пор помню, кто перестал отвечать первым.

— У меня хорошая новость, — говорю. — Мы подписали «Северный дом».

— Это большой?

— Большой.

— Умница моя, — говорит мама, и в трубке слышно, как она улыбается. — Ты приезжай как-нибудь. Я борщ сварю.

Кладу трубку и включаю радио. Что-то слишком бодрое. Переключаю. Джаз. Переключаю. Женский голос поет на сербском, и я быстро переключаю канал. Тишина в салоне. Дворники ходят туда-сюда.

Пробка наконец трогается. Я сворачиваю на боковую, где всегда свободнее, и минут пять еду почти нормально, километров сорок в час, думая о том, что дома есть паста, вино и новая серия сериала, который я смотрю восьмью неделю.

Перекресток. Зеленый.

Я въезжаю.

Свет справа.

Фары.

Слишком близко.

Визг тормозов.

Удар.

Подушка выстреливает в лицо. Меня бросает вперед и тут же назад.

Машина замирает поперек полосы.

Тихо. Только гудит сигнализация где-то далеко и щелкает поворотник, который я так и не выключила.

Я дышу. Раз, два. Шевелю пальцами — работают. Шеей — больно, но работает. На языке кровь, губа разбита о подушку.

Открываю дверь и выхожу.

Правое крыло помято.

Вот ещё проблемы на мою голову. А ведь какой хороший был день.

Перед бампером стоит черный внедорожник, огромный, с московскими номерами и абсолютно целой мордой.

Закипаю от злости.

— Вы вообще на светофор смотрите? — говорю я, шагая к нему. — Или водите по принципу «еду как хочу»?

Водительская дверь открывается.

Черное пальто. Ботинки в снегу. Мужчина выходит и встает у капота, засунув одну руку в карман.

— Я вызываю ГАИ, — продолжаю я, роюсь в сумке. — И страховую. И, честно говоря, мне интересно послушать, что вы им скажете, потому что...

Я поднимаю глаза.

Мир замирает, а потом рушится с треском.

Он стоит в трех шагах. Восемь лет добавили ему линию между бровями. Всё остальное по-прежнему. Рост, разворот плеч, привычка стоять чуть боком, будто мир обязан подстраиваться под угол его взгляда.

— Здравствуй, Яна, — говорит Стефан Радич.

В день развода я думала, что умерла. Но мёртвые не вздрагивают, услышав знакомый голос.

Глава 2. Этажом ниже

Мои пальцы смыкаются на ручке сумки, и руки сводит от напряжения.

Он смотрит сверху вниз, и в этом взгляде столько презрения, что впору отойти на шаг.

Но я стою.

— Ты изменилась, — говорит он.

— А ты вернулся?

— Вернулся.

Снег падает ему на плечи и тает. Он опускает взгляд на мою машину, оценивает ущерб.

— Я оплачу ремонт.

— Сама разберусь.

— Разумеется. — Уголок рта у него приподнимается. — Ты всегда со всем разбиралась сама. Особенно по ночам.

Его наглость обжигает. Изменник смеет рассуждать о моих ночах. Гордость велит молчать. Я хладнокровно смотрю ему в глаза.

Становится трудно дышать.

А потом я вижу, как большой палец его правой руки медленно двигается по основанию безымянного. Туда и обратно. По тому самому месту, где когда-то было кольцо.

Он этого движения даже не замечает.

Зато замечаю я.

— Ты... — начинаю я, но не могу договорить.

— Я, — отвечает он.

И всё. Посреди перекрёстка стоят два взрослых человека с общим прошлым и молчат.

Сзади сигналит машина. За ней вторая. Кто-то опускает стекло и объясняет, что мы перекрыли левую полосу, и делает это в выражениях, которые я потом припомню как самое разумное из услышанного за вечер.

Реальность возвращается вместе с гудками.

— Ты стоишь на проезжей части, — говорит Стефан.

— Я знаю, где я стою.

— Отойди на тротуар.

— Спасибо за заботу. — Я разворачиваюсь к своей машине и достаю телефон. — Мне нужен ваш полис. И права.

Обращение на «вы» получается само. Так проще: у «вас» есть страховая, у «тебя» — только память.

Он пристально на меня смотрит, а потом идет к внедорожнику и открывает бардачок. Возвращается уже с документами. Я фотографирую полис, номера, наши машины, светофор, тормозной след. Вполне получается не думать.

— У тебя кровь, — говорит он.

— Забудь.

— У тебя кровь, Яна.

Я провожу тыльной стороной ладони по губе. На руке остается темная полоса.

Он достаёт из внутреннего кармана пальто платок и протягивает мне.

Рука останавливается на полпути.

Мы оба смотрим на эту руку.

А потом он убирает платок обратно и достает телефон.

— Можно вызвать полицию, — говорит он, — а можем разойтись полюбовно.

— Полюбовно не получится, но полиции, пожалуй, не надо.

Он убирает телефон.

Я иду к своей машине за полисом. Он лежит в бардачке под руководством по эксплуатации, я это знаю, но пальцы у меня заняты дрожью, и я вываливаю на сиденье салфетки, зарядку и чек из химчистки за март. Полис оказывается на самом дне. Разумеется.

Когда я выпрямляюсь, мимо на скорости идет фургон доставки — водитель объезжает нас по встречной и берет слишком близко к моей открытой двери.

Стефан оказывается рядом и резко дёргает меня за локоть.

— Склони се! — рявкает Стефан над ухом. — Луда жено!

Сумасшедшая женщина. Такой он меня всегда и считал.

Он держит меня за локоть еще секунду, а потом отпускает.

Восемь лет назад я выучила простое правило: сербский появляется в двух случаях. Когда он в бешенстве и когда ему страшно. В остальное время он говорит по-русски лучше, чем я.

Мы стоим у машины и делаем вид, что ничего не было.

— Сядь в машину, — говорит он. — Так будет проще.

— Обойдусь.

— Как хочешь.

Он идет к внедорожнику, открывает пассажирскую дверь и оставляет ее распахнутой. Из салона тянет теплом. Через минуту я всё-таки сажусь боком на край сиденья, потому что ноги у меня в туфлях, а не в чем-то разумном.

Он возвращается, останавливается у двери и, глядя куда-то в сторону светофора, протягивает мне бутылку воды.

Беру бутылку. Говорю «спасибо» так, чтобы прозвучало как «отойдите».

Заполняем документы.

И всё. Ни спора, ни звонка юристу.

А мне, оказывается, нужен был спор. Я к нему готовилась. У меня внутри лежала целая заготовленная речь, и теперь ее некуда деть.

— Тебе нужно в больницу, — говорит Стефан.

— Я сама решу, куда мне нужно.

Стефан подписывает документы.

— Ты всё-таки поменяла фамилию, — спрашивает он.

Он ведь до этой минуты не знал. Восемь лет назад я подписывала документы как Радич, а как только он уехал пошла менять паспорт, потому что жить с его фамилией было всё равно что жить с ножом у горла.

Эвакуатор приходит, когда уже темнеет. Мою машину грузят, и она уезжает с задраным носом, помятая, нелепая, единственная пострадавшая сторона за весь вечер.

Я вызываю такси. Приложение обещает семь минут.

— Я тебя отвезу, — говорит Стефан.

— Такси уже едет.

— Яна.

— Стефан. — Я впервые за вечер произношу его имя вслух. — Мы всё оформили. Страховая разберётся. Дальше нам общаться незачем.

Он смотрит на меня долго. На его плечах лежит снег.

— Незачем, — повторяет он.

Потом идет к своей машине, открывает дверь и останавливается.

— Значит, ты всё-таки осталась в Москве, — говорит он. — А я слышал, ты уехала.

— Мне некуда было ехать.

— Странно.

Он садится. Двигатель заводится с первого раза, фары бьют по мокрому асфальту, и черный внедорожник уходит в сторону Курского.

Я стою на тротуаре с бутылкой воды в руке. Такси приезжает через минуту.

Всю дорогу до дома я повторяю себе одно: Москва большая, и больше мы никогда не увидимся.

Дома я выбрасываю бутылку в мусорное ведро.

Потом ставлю будильник на семь и ложусь спать.

В понедельник приезжаю в восемь пятнадцать на прокатной машине, потому что моя в ремонте. Место сорок один, третий столб, разметка стерлась еще прошлой зимой.

В багажнике лежит коробка с макетами, в руке стакан из кофейни через дорогу, где бариста пишет на крышке «Я.К.» и рисует восклицательный знак. Лера в чате пишет, что кофемашина снова сломана, а она уже, конечно, вызвала мастера. Отвечаю ей смайликом.

Восьмой год я строю свою жизнь. Сегодня понедельник, у меня прекрасный контракт и разбитая губа, которая почти зажила.

Вращающаяся дверь, мрамор, знакомый гул вентиляции.

Дальше происходит что-то странное.

Обычно в восемь пятнадцать здесь пусто: охранник Валерий Петрович с кроссвордом, девушка на ресепшене с телефоном и запах кофе с первого этажа. Сегодня у турникетов стоят коробки в четыре ряда, двое в спецовках катят по мрамору тележку.

— Доброе утро, Яна Андреевна, — говорит Валерий Петрович, отрываясь от планшета. — Осторожнее слева, там разгрузка.

Я отхожу левее.

И оказываюсь рядом с тележкой. На ней офисные кресла под пленкой, на пленке — стикеры транспортной компании.

И еще один. Синий, с диагональю.

«Радич Инвест».

Стакан у меня в руке становится очень горячим.

Матвей говорил про шестой этаж, но тогда я подумать не могла, что это он.

Разворачиваюсь к ресепшену.

Вращающаяся дверь за спиной делает оборот.

И я слышу голос.

— Шестой этаж, — говорит Валерий Петрович. — Господин Радич? Ваша карта готова.

Поворачиваюсь.

Стефан стоит в трех метрах, с телефоном у уха и молчит, глядя на меня.

Телефон в его руке продолжает что-то спрашивать.

— Яна Андреевна, вам письмо оставили, заберете? — окликает девушка с ресепшена. — И лифт только левый работает, правый до обеда закрыли.

Мы стоим и смотрим друг на друга.

Створки лифта разъезжаются.

Стефан опускает телефон.

— После вас, — говорит он.

Глава 3. Этажом выше

Стефан

Она заходит в лифт первой. Спина прямая, в руке стаканчик черного кофе. Взгляд — строго в зеркало напротив.

Я захожу следом. Жму шестой. Кнопка седьмого уже горит.

Двери смыкаются. В кабине зеркала по трём стенам, и это отдельный вид пытки: куда ни посмотри, везде она. Слева, справа, за спиной. Восемь лет я строил жизнь так, чтобы Яны Корсаковой не было ни в одном отражении, и вот пожалуйста — три штуки разом, в замкнутом ящике шириной полтора метра.

Корсакова. Теперь Корсакова. Я узнал об этом вчера, когда увидел её данные, и всю ночь эта фамилия стояла у меня поперёк горла.

Я медленно поправляю запонку, старательно изображая скуку.

— Я въезжаю в офис, который арендовал полгода назад.

Она молчит. Стакан в её руке чуть поворачивается — на нём маркером написано «Я.К.» с восклицательным знаком. Кто-то в кофейне через дорогу знает её инициалы. У неё есть жизнь, где ей рисуют на стаканах восклицательные знаки. И меня в этой жизни нет. Это правильно. И это бесит.

Лифт останавливается на третьем. Заходит парень в спецовке с мотком кабеля, смотрит на нас двоих, чувствует что-то и утыкается в телефон. Мудрое решение.

Я ловлю себя на том, что верчу большим пальцем по основанию безымянного. Кольца там нет восемь лет.

Убираю руку в карман.

Третий, четвёртый, пятый. Парень выходит. Мы снова вдвоём.

— Шестой, — объявляет женский голос из динамика.

Двери открываются. Я делаю шаг и оборачиваюсь — сам не знаю зачем.

— Хороший офис, — говорю. — Окна на воду.

— На седьмом вид лучше.

Двери закрываются раньше, чем я успеваю ответить.

Мой этаж — это коробки, провода и двенадцать человек, которые изображают бурную деятельность, потому что приехал я. Данила, мой зам по строительному блоку, встречает меня у входа с планшетом и лицом человека, который спал четыре часа.

— Стефан, по гостиничному проекту есть вопрос. Срочный.

— Через минуту.

— Он правда срочный.

Я иду в угловой кабинет, где ещё пахнет краской и стоит стол без единой бумаги. Сажусь. Данила кладёт передо мной папку.

— «Северный дом», — говорит он. — Сеть, четырнадцать регионов. Мы заходим в проект как генподрядчик, ты в курсе. Так вот, брендинг и весь визуальный пакет сети ведёт подрядчик заказчика. Агентство. Они уже подписали контракт, на прошлой неделе.

— И?

— И без их макетов мы не можем запускать айдентiku объектов. Фасады, навигация, входные группы — всё завязано на их гайдлайн. Мы зависим от их сроков. А сроки у нас горят.

— Название агентства.

Данила листает.

— «Корсакова Брендинг». Владелица — Корсакова Яна Андреевна. Сидит, кстати, прямо над нами, седьмой этаж, вот совпадение.

Я смотрю на папку.

Есть у судьбы такое чувство юмора — тяжёлое, как самосвал. Женщина, из-за которой я восемь лет назад собрал чемодан и уехал из страны, теперь держит в руках деталь, без которой стоит мой проект.

— Стефан? Ты чего?

— Ничего. — Я открываю папку. — Дай финансовую справку по этому агентству.

Данила уходит и возвращается через десять минут с распечаткой. Я читаю.

Читаю внимательно.

Она построила крепкую компанию. Обороты ровные, репутация чистая, клиенты приличные. Одна деталь: полгода назад она взяла кредит под расширение. Второй офис, новое оборудование, штат. Кредит обеспечен долей в компании. Платежи расписаны на три года вперёд, и всё держится на выручке, а выручка — на крупных контрактах.

Таких, как «Северный дом».

Я сижу и смотрю на цифры, и в голове тихо и методично складывается план. Заказчик — сеть отелей. Генподрядчик — я. Мне достаточно намекнуть заказчику, что сроки поставки макетов срывают весь график строительства, что агентство не тянет, что нужен подрядчик посерьёзнее. Одно слово в нужное ухо — и контракт уходит. Выручка проседает. Кредит повищает. Через полгода я могу купить «Корсакова Брендинг» целиком, вместе со столом, за которым она сидит, и стаканом с восклицательным знаком.

Могу.

Я закрываю папку.

Разумный человек на моём месте отказался бы от этой мысли. Взрослый мужчина, глава холдинга, который восемь лет твердит себе, что вылечился, посмотрел бы на эту женщину сверху вниз и прошёл мимо. Заключил бы с ней вежливый деловой договор, получил свои макеты в срок и забыл, как её зовут.

Но я не разумный человек. Я это выяснил восемь лет назад, стоя в дверях спальни в четыре утра.

Память услужливо подсовывает кадр. Она у меня всегда наготове, эта картинка, я даже вызывать её не должен — сама приходит. Смятая постель. Чужой пиджак на стуле. Её волосы на подушке. И её наглое притворство, когда на следующий день она сделала вид, что ничего не случилось.

Восемь лет прошло, а я до сих пор помню это в деталях.

Люди говорят: время лечит. Люди врут. Время просто учит носить рану так, чтобы её не было видно из-под пиджака.

— Данила.

Он заглядывает.

— Организуй встречу с «Корсакова Брендинг». По гостиничному проекту, координация сроков. Официально, с их стороны — владелица, с нашей — я.

— Ты сам пойдёшь? Обычно такие вещи ведёт проектный отдел.

— Сам.

Он смотрит на меня секунду дольше, чем нужно. Данила работает со мной шесть лет, он знает мою манеру и понимает, что глава холдинга не ходит лично согласовывать графики поставки макетов. Но он также знает, что вопросы мне задают только один раз.

— Понял. Когда?

— На этой неделе. И, Данила. — Я подвигаю к нему папку. — Подними, кто ещё на рынке делает брендинг гостиничных сетей.

Он выходит.

Я встаю, подхожу к окну. Мой этаж действительно с видом на воду. Река свинцовая, набережная в мокром снегу, редкие люди под зонтами. Красиво.

Над головой у меня — потолок. Бетонное перекрытие, за ним — седьмой этаж. Там — она. Ходит сейчас, пьёт свой кофе с восклицательным знаком, живёт свою построенную без меня жизнь.

Я потираю большим пальцем основание безымянного.

На этот раз замечаю сразу. И не убираю руку.

Пусть.

Восемь лет я внимательно следил, чтобы между нами были страны. Теперь между нами одно бетонное перекрытие толщиной двадцать сантиметров. И впервые за очень долгое время я точно знаю, чем займусь в Москве.

Звонит внутренний телефон. Данила, коротко:

— Стефан, встречу подтвердили. Четверг, десять утра, их переговорная. Госпожа Корсакова просила передать дословно.

— Передавай.

— «У нас говорят на языке заказчика, а не подрядчика. Пусть поднимется к нам».

Я кладу трубку.

И впервые за восемь лет ловлю себя на том, что улыбаюсь без злости.

Четверг. Десять утра. Этажом выше.

Глава 4. Вода с лимоном

Яна

К четвергу я готовлюсь как к тендеру.

В переговорной убрано. Кофемашина починена. Лера предупреждена, что во время встречи заходит только по вызову. Я надеваю серый костюм, в котором похожа на человека, с которым шутки плохи, — и сажусь во главе стола за двадцать минут до срока. Ставлю ноутбук. Раскладываю распечатки веером, как карты. Проверяю, что стул напротив стоит спиной к окну: пусть свет бьёт ему в глаза, а не мне.

Мелко? Возможно. Но восемь лет назад этот человек выиграл у меня всё, не потратив ни единого аргумента, и с тех пор я предпочитаю выигрывать хотя бы расстановку мебели.

В девять пятьдесят восемь в дверь стучат.

Он входит один. В костюме без галстука, с одной кожаной папкой под мышкой. И маленькой бутылкой воды в кармане. Оглядывает переговорную и замечает и разложенные веером бумаги, и стул.

Уголок рта у него приподнимается.

Он обходит стол и садится не напротив, а сбоку от меня. Через угол. Туда, где свет из окна ему не мешает и где между нами метр вместо трёх.

Первый раунд — за ним.

— Госпожа Корсакова, — говорит он.

— Господин Радич.

— Спасибо, что нашли время.

— У нас говорят на языке заказчика. — Я открываю ноутбук. — А заказчик у нас общий. «Северный дом».

— Именно поэтому я здесь.

Он кладёт папку на стол, но не открывает. Складывает руки. Смотрит на меня так, будто мы сели играть в шахматы, и он уже видит партию на десять ходов вперёд, а мне сообщать об этом считает излишним.

Я включаю презентацию. График поставки макетов, этапы, дедлайны. Говорю спокойно и по делу. Пункт, срок, зона ответственности. Он слушает. Слушает внимательно — так, как умеет только он: не перебивая, не кивая, просто впитывая, и от этого внимания у меня по коже идут мурашки.

— Ваш блок зависит от нашего гайдлайна, — заканчиваю я. — Мы отдаём пакет по объектам первой очереди пятнадцатого декабря. Ваши фасады и навигация стартуют с этой даты. Всё расписано. Вопросов быть не должно.

— Один есть.

— Слушаю.

— Пятнадцатое декабря — это дата, к которой вы отдаёте макеты. А если ваш ключевой дизайнер слегнет с гриппом десятого? Резерв у вас какой?

Хороший вопрос. Раздражающе хороший. Я объясняю про распределённую команду и дублирование по критическим задачам. Он слушает, потом задаёт следующий вопрос. И следующий. И я вдруг понимаю, что мы уже двадцать минут говорим о деле, о настоящем деле, о сроках и рисках, и что это первый за восемь лет разговор с ним, в котором мне не хочется ни ударить его, ни расплакаться.

К середине разговора становится сухо в горле. Я тянусь к телефону вызвать Леру, чтобы принесла воды.

К моему локтю подвигается пластиковая бутылка.

Вода с лимоном.

Я даже не заметила, когда он её достал из кармана.

Вода с лимоном. Восемь лет назад он всегда покупал мне такую воду, потому что знал, что я её люблю.

Мы оба смотрим на бутылку.

Я беру её. Не потому, что хочу пить — теперь уже точно расхотелось, — а потому что не взять означало бы признать, что эта бутылка что-то значит.

— Спасибо, — говорю.

— Не за что. — Большой палец идёт к основанию безымянного, замирает на полпути, возвращается на стол. — Продолжим.

Мы продолжаем. Но что-то изменилось, и мы оба это чувствуем, и оба делаем вид, что нет.

К одиннадцати мы проходим весь график. Он раскрывает наконец свою папку — там встречные сроки его блока, аккуратные, выверенные. Наши документы ложатся рядом на стол, его и мои, и совпадают по датам почти идеально, будто их писал один человек. Я смотрю на два листа впритык и отгоняю мысль, которая мне тут совершенно ни к чему.

— Значит, договорились, — говорю я. — Пятнадцатое декабря. Ваши люди работают от нашего пакета.

— Договорились.

Но он почему-то не встаёт. Складывает руки, смотрит на меня, и деловое выражение сходит с его лица.

— Ты хорошо это построила, — говорит он тихо. — Агентство. Команду. Я смотрел цифры. Аккуратно, умно, с запасом прочности.

— Если совещание закончено... Мне не нужна твоя оценка.

— Я знаю. Ты вообще ни в чём не нуждаешься, это в тебе всегда бесило. — Он говорит это без злобы. — Восемь лет назад ты сидела на кухне и говорила, что тебе от меня ничего не надо, кроме меня самого. А потом оказалось, что и меня не надо.

Нервы звенят до предела.

Вот оно. Я ждала этого с той секунды на перекрёстке. Всё это время он держал это при себе, и теперь вывалил прямо передо мной.

— Ты закончил? — спрашиваю я.

— Я даже не начал.

— Тогда начну я. — Я закрываю ноутбук. — Я тогда так и не поняла, почему ты обо-злится. Сам наделал делов, а меня выставил виноватой. Удивительный талант.

Он застывает.

— Красиво говоришь, — голос становится ледяным. — Жаль, слова не совпадают с реальностью.

— Не проецируй на меня свои грехи.

— Довольно. — Он встаёт. Резко. Стул отъезжает. — Я пришёл обсуждать сроки, а не слушать сказку, которую ты сочинила за восемь лет, чтобы спать спокойнее.

— Ты сам начал.

— Больше не начну.

Он застёгивает папку. Пальцы слушаются его плохо — я вижу это, я всегда видела в нём то, что он прятал от остальных. Он идёт к двери, берётся за ручку и там останавливается, спиной ко мне.

— Пакет пятнадцатого, — говорит он. — Задержите хоть на день — найду другое агентство. Список у меня уже есть.

— Мы не задержим.

— Посмотрим.

Он открывает дверь — а за ней стоит Лера с подносом. На подносе кофе, который никто не заказывал, и лицо у неё такое, будто она услышала лишнего. Стефан обходит её, кивает и уходит к лифту.

Лера ставит поднос. Смотрит на бутылку воды с лимоном.

— Яна Андреевна, — говорит она осторожно. — Вы были знакомы раньше?..

— Проверь кофемашину ещё раз. Что-то она греет плохо.

Лера уходит. Я остаюсь одна в переговорной, где всё красиво убрано и выверено. И только бутылка с отпитой водой мешает мне поверить, что я всё ещё держу собственную жизнь под контролем.

Я достаю телефон и набираю Матвея.

— Слушай, — говорю, когда он берёт трубку. — Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня выяснил. По-тихому.

— Звучит незаконно. Обожаю. Что искать?

Я смотрю на дверь, за которой минуту назад скрылся человек, восемь лет искренне меня ненавидящий. Причина неважна. Важно предусмотреть, на что он способен.

Глава 5. Верный союзник

Матвей приезжает через сорок минут, хотя я звала на вечер. Появляется на седьмом этаже с рюкзаком через плечо и двумя стаканами кофе, один из которых молча ставит мне на стол. Американо. Без сахара.

— Ты сказала «по-тихому», — говорит он, падая в кресло напротив. — Я решил не тянуть. Рассказывай.

Я закрываю дверь кабинета. Сажусь. И понимаю, что не знаю, с какого места начать, чтобы не начать с перекрёстка, с воды с лимоном, с большого пальца, который трёт пустое место на его пальце.

Начинаю с безопасного.

— Наш новый сосед снизу. «Радич Инвест». Его владелец — Стефан Радич.

— Тот самый строительный холдинг, я же говорил. — Матвей отхлёбывает кофе. — А что не так с владельцем?

— Мы были женаты.

Пауза. Матвей ставит стакан. Смотрит на меня так, будто я сообщила, что здание заминовано.

— Восемь лет назад, — добавляю я. — Развелись. Он уехал в Белград. Теперь вот вернулся, снял этаж ровно под моим и держит контракт, от которого зависит половина моей годовой выручки. Он уже намекнул, что может отдать «Северный дом» другому агентству, если я оступлюсь.

— Совпадение?

— Не знаю. — Я верчу стакан. — Этаж он снял давно. Но о том, что это Стефан, я вот только узнала. А ещё, наши машины столкнулись. Авария была случайной, тут я почти уверена. Но дальше... — Я замолкаю. — Дальше он ведёт себя так, будто у него есть план. А я не люблю, когда у людей на меня есть план.

— И ты хочешь знать, есть ли он.

— Я хочу знать, копает ли он под меня. Под агентство, контракт и сотрудников. Есть ли у него на нас что-то. И если он собрался меня душить — я хочу увидеть руку раньше, чем она коснётся шеи.

Матвей кивает. Он никогда мне не отказывает и всегда приходит на помощь даже раньше, чем я прошу.

— Закрою периметр, — говорит он. — Заодно посмотрю, кто им интересуется снаружи. Если люди Радича щупают нашу сеть, я это увижу. Дай мне доступ к логам за последние полгода и не мешай.

— Не буду мешать. Только... — Я подбираю слова. — По-тихому. Без имён в переписке, без следов. Если он такой, каким я его помню, он замечает всё.

— Яна. — Матвей улыбается. — Я всегда был невидимкой, ты же знаешь.

Он уходит в серверную и пропадает там до вечера.

Возвращается в половине девятого, когда офис уже пуст, Лера ушла, а я доедаю салат из пластикового контейнера прямо за столом, потому что дома всё равно некому готовить.

По лицу Матвея я сразу вижу: он что-то нашёл. Матвей, когда находит, становится тихим. Азарт у него уходит внутрь.

— Садись, — говорю. — У тебя лицо человека с новостями.

Он садится. Разворачивает ноутбук экраном ко мне.

— Начну с хорошего. Твою сеть никто не ломает. Периметр чистый, я закрыл пару дыр, спи спокойно. — Он делает паузу. — Теперь об интересном. За тобой следят.

Я перестаю жевать.

— В смысле?

— В прямом. Не за сетью — за тобой. — Он показывает строчки, которые мне ничего не говорят, но по его тону я понимаю, что говорят они много. — Кто-то за последние недели трижды пробивал тебя. Не любитель. Работают чисто, через прокладки, но почерк профессиональный. Так делает служба безопасности, а не ревнивый бывший с телефона. Тебя аккуратно изучают, Яна. Кто-то хочет знать о тебе всё.

Я кладу вилку в контейнер, чтобы Матвей не увидел, как дрожат пальцы.

Значит, план есть. Я права. Но почему-то от собственной правоты мне не легче.

— Это он, — говорю я. — Радич. Изучает противника. Логично.

— Возможно.

Мы молчим. За окном река, редкие огни, снег закончился.

Я собирала эту жизнь восемь лет по одному чертежу: он изменил, разрушил, я ушла, точка. Всё разложено по ящичкам, подписано, ящики закрыты. И вот Матвей достаёт единственный лист, которого в чертеже не было, и от этого листа вся конструкция вдруг начинает казаться не той, что я построила.

Я не хочу этот лист. Я честно его не хочу.

Матвей смотрит на меня долго.

— Хорошо, — говорит он. — Всё выяснили. — Он закрывает ноутбук, встаёт, вешает рюкзак на плечо. У двери оборачивается. — А может, поужинаем?

— Прости, не сегодня.

Улыбается и уходит.

Я остаюсь одна с пластиковым контейнером и мыслью, которая не даёт мне успокоиться: а что если Стефан что-то задумал насчёт меня.

Открываю ноутбук. Нахожу папку с фотографиями, ту, что тащу за собой из года в год, ни разу не заглянув внутрь. Открываю.

Кухня цвета топлёного молока. Он смеётся. На столе перед ним — бутылка воды с лимоном.

Я закрываю ноутбук и сижу в темноте, но успокоиться уже не могу.

Глава 6. Шёпот из прошлого

В субботу я еду в торговый центр за увлажнителем воздуха.

Звучит как капитуляция взрослого человека перед бытом, и это она и есть.

В спальне сухо, я просыпаюсь с болью в горле, врач восемь лет назад сказал бы, что я мало сплю и много работаю, но врача у меня теперь нет, есть только я и интернет, который советует увлажнитель. Вот я и еду.

Торговый центр уже готовится к Новому году. Я иду по нижнему этажу мимо витрин с гирляндами, держу в руке стакан кофе и почти чувствую себя человеком, у которого выходной.

Магазин техники в дальнем крыле. Я беру увлажнитель, самый простой, без wi-fi и приложения, потому что мне хватает вещей, которые хотят со мной разговаривать. Плачу. Выхожу в атриум, где под стеклянным потолком стоит наряженная ёлка высотой в три этажа, и торможу у скамейки, чтобы переложить коробку из руки в руку.

На скамейке сидит женщина.

Седые волосы собраны в пучок. Тёмное пальто хорошего кроя, но висит на плечах, будто куплено на другую, более крупную женщину. Рядом прислонена трость. Женщина смотрит на ёлку, сложив руки на коленях, и в позе её столько усталости, что становится не по себе.

И тут она поворачивает голову.

Восемь лет складываются в одну секунду и рассыпаются.

Ирина Андреевна.

Я узнаю её не сразу — узнаю по глазам, потому что всё остальное изменилось. Лицо похудело так, что проступили скулы. Кожа приобрела оттенок, который я видела у больных людей и научилась не комментировать. Женщина, которая на моей свадьбе смотрела с презрением, теперь опирается на трость.

Она узнаёт меня тоже. Я вижу это по тому, как вздрагивают её сложенные руки.

Мы смотрим друг на друга через два метра мраморного пола, и я жду.

Жду, сама не знаю чего. Может, желчи? Восемь лет назад её хватало на то, чтобы отравить комнату за тридцать секунд. У меня даже спина выпрямляется заранее, готовясь.

— Яна, — говорит она.

Но голос вовсе не злой. Он вообще какой-то бесцветный.

— Ирина Андреевна.

Отвечаю поставленным голосом, которым общаюсь с клиентами.

Она чуть двигается на скамейке, освобождая пространство, будто на всякий случай. Вдруг я захочу сесть.

Но я не хочу.

Мне даже видеть её трудно.

— Ты хорошо выглядишь, — говорит она.

Я замираю. Потому что восемь лет назад из её рта в мою сторону не вылетело ни одного доброго слова, ни единого.

— Спасибо, — говорю я. — Как ваше здоровье?

Идиотский светский вопрос. Он выскакивает раньше, чем я успеваю его остановить, и мы обе понимаем, как глупо он звучит рядом с тростью, худобой и цветом её лица.

— Как видишь, — говорит она и слабо ведёт рукой вдоль себя. — Врачи находят новые определения каждый месяц. Я в них уже путаюсь.

Где-то под стеклянным потолком играет праздничная музыка. Мимо идут люди с пакетами. А я стою напротив женщины, которая когда-то разобрала мою жизнь на части и разобрала — некоторые я ищу до сих пор. И молчу. Потому что ненавидеть её у меня не выходит.

На секунду память подсовывает другую Ирину. Свадьба, ресторан на воде, я в белом, слишком молодая и счастливая до глупости. Она подходит с бокалом, наклоняется к моему уху под видом поцелуя и говорит негромко: «Ты здесь ненадолго, милая. Такие, как ты, не смогут задержаться в нашей семье». И отходит с улыбкой, а я стою и не понимаю, слышалось мне или нет.

Не слышалось. Я это поняла позже.

— Стефан вернулся, — говорю я. Зачем — не знаю. Может, чтобы вернуть между нами хоть что-то, за что можно держаться.

— Я знаю, что вернулся. — Она смотрит на ёлку. — Не знаю зачем. Он мне не докладывает. Мы... — Она подбирает слово. — Мы теперь мало разговариваем.

— Мне жаль.

— Тебе не жаль. — Она вздыхает. — И правильно.

Мимо проносится ребёнок, за ним мать с криком «Артём, стой», и на секунду атриум наполняется обычной жизнью. Ирина Андреевна провожает мальчика взглядом, и по её лицу проходит тень. Голод. Тоска по тому, чего нет.

— У него нет детей, — говорит она тихо. — И у меня, выходит, нет внуков. Большой дом, и в нём я и сиделка. Знаешь, о чём думаешь в таком доме по ночам?

Я молчу. Мне нечего на это ответить, и я подозреваю, что ответа она и не ждёт.

— Обо всём, — говорит она. — Обо всём подряд. О себе. О прошлом. О своих ошибках.

Она берётся за трость, собираясь встать. Я делаю движение помочь — дурацкий рефлекс. К этой женщине у меня не должно быть рефлексов, но иначе я не могу.

А она принимает мою руку.

Ладонь у неё сухая и лёгкая, почти невесомая.

Она встаёт. Мы оказываемся близко, и она смотрит на меня снизу вверх, потому что она как будто стала ниже.

— Прости меня, — говорит она.

И тихо смотрит в глаза.

Я стою и держу под локоть женщину, которая сломала мне жизнь, и не понимаю, что происходит. По моей версии событий её вина ясна и названа: она травила меня, она хотела моего ухода, она добилась своего. Но почему теперь она так изменилась?

Ирина Андреевна смотрит на меня ещё секунду. Потом руку, и опирается на трость.

Она разворачивается и идёт к выходу. Тёмное пальто висит на её плечах, и седая голова покачивается в такт шагам. Я стою у скамейки и смотрю ей вслед, пока она не растворяется в толпе.

Долго сижу в машине, положив руки на руль, и смотрю на бетонную стену парковки перед собой.

Почему это всё снова меня настигло?

Я не хочу об этом думать. Я честно, изо всех сил не хочу.

Завожу машину.

И весь путь до дома одна мысль едет со мной рядом на пассажирском сиденье, пристёгнутая, тихая, и я никак не могу её высадить: а что, если я его не забыла?

Глава 7. Один месяц на любовь

Стефан

Теория у меня простая, и мне она нравится тем, что в ней не предусмотрены чувства.

Тело помнит. Вот и всё. Восемь лет я держал между собой и этой женщиной две границы и один разрыв, и за это время организм ничего не забыл — ни как она пахнет, ни как выгибает спину, ни как смотрит перед тем, как сказать что-нибудь, за что хочется её встряхнуть или поцеловать. Память живёт в мышцах, а не в голове. Голова у меня в порядке.

Голова знает, что эта женщина сделала. И знает, кому я обязан тем, что вовремя открыл глаза. Мать невзлюбила Яну сразу, и с первого дня, твердила: беги, пока не поздно, эта тебя проглотит и не подавится. Я не поверил, я с ней месяц не разговаривал. А оказалось — права. Единственный раз в жизни, когда её жёсткость меня спасла, а не придушила. Стоило уехать за тысячу километров, чтобы это признать.

С головой, словом, всё решено давно. А вот тело оказалось тупее и памятьнее хозяина.

Значит, лечится это тоже через тело.

Я вывел это ночью, глядя в потолок, и к утру уверился окончательно. Незакрытая дверь. Восемь лет назад нас разорвало посреди фразы, и осталось ноющее, недосказанное, физическое. Это нужно закрыть. Один раз. Спокойно, по-взрослому, без иллюзий. И тогда отпустит. И я снова смогу ненавидеть её нормально, на трезвую голову, без этой примеси, от которой темнеет в глазах.

План хорош ещё и тем, что у него есть предлог. Предлог всегда найдётся, когда двое завязаны на один контракт.

Я поднимаюсь к ней в четверг вечером.

Я всё замечаю, пока иду: как здесь светлее, чем у меня, как пахнет кофе и чем-то цветочным, как на стенах висят её работы в рамках — чужие бренды, которые она вылепила из ничего. Хорошая компания. Я это уже знал по цифрам, но цифры не пахнут кофе.

Офис пуст. Восемь вечера, все ушли, только в дальнем кабинете горит свет.

Она за столом, без пиджака, в одной блузке, рукава закатаны, волосы собраны наспех. Перед ней три монитора и раскрытый макет. Она работает так, как работала всегда, — уйдя в это с головой, забыв про время, про еду, про то, что взрослой женщине положено ужинать в приятной компании, а не пить кофе литрами за рабочим столом. Восемь лет назад я приходил в такие вечера, забирал у неё из рук карандаш и уводил спать.

Я стучу по косяку.

Она поднимает голову. И спина у неё выпрямляется. Она натягивается всякий раз, когда Яне страшно, но она решает, что бояться не будет.

— У нас назначено? — спрашивает она.

— Нет.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— По контракту вопрос. — Я вхожу без приглашения. — Ваши сроки по второй очереди. Хочу свериться, пока не поздно правки вносить.

Ложь. Она в неё не верит — я вижу, — но принимает, потому что деловая ложь удобнее правды. Мы оба любим, когда есть повод.

— Садись, — говорит она и разворачивает один из мониторов. — Вот график. Что именно тебя смущает?

Я обхожу стол. Сажусь сбоку. Она это отмечает и ей не нравится. Но гордость не позволяет ей отодвинуться, и я на эту гордость и рассчитываю.

Мы говорим о сроках. Настоящих сроках, я не поленился их выучить, чтобы предлог держался. Она объясняет, водит пальцем по экрану, я слежу за пальцем и слушаю вполуха,

потому что занят другим: замеряю расстояние. До плеча. До ключицы, где расстёгнута верхняя пуговица. До места под ухом, где кожа тоньше и где восемь лет назад билась жилка, когда я её целовал.

Теория требует проверки. Я тут ради проверки.

— Ты меня слушаешь? — спрашивает она.

— Да.

— Повтори последнее.

— Ты сказала, что макеты второй очереди уйдут в течение двух недель, и что если я хочу правки, вносить их надо до праздников, иначе поедет вся цепочка. — Я поворачиваюсь к ней. — Я слушаю, Яна. Я тебя всегда слушал. Это ты почему-то уверена, что нет.

Что-то меняется в воздухе. Она чувствует — я вижу, как она сглатывает, как замирает палец на экране.

— Не начинай, — говорит она тихо.

— Я ничего не начинаю.

— Ты пришёл в восемь вечера в пустой офис сверять то, что можно было прислать письмом. — Она поворачивается ко мне, и мы оказываемся лицом к лицу, слишком близко. — Я похожа на человека, который верит всему?

Умная. Всегда была умнее, чем удобно.

Я мог бы отступить. Разумный человек отступил бы. Но я пришёл проверить теорию, а теория проверяется вблизи, и вот я вблизи, и её духи те же, что восемь лет назад, она даже это не сменила, и в голове у меня становится горячо и пусто.

— Нет, — говорю я. — Не похожа.

Я поднимаю руку и медленно убираю прядь, выбившуюся у неё из пучка. Даю ей время отстраниться, оттолкнуть, сказать что-нибудь холодное.

Она не отстраняется.

Её дыхание сбивается. Зрачки расширяются. Я знаю это лицо — я его видел тысячу раз, оно снилось мне в Белграде так, что я просыпался с колотящимся сердцем и ненавидел себя до рассвета. Она смотрит на мои губы. Один короткий взгляд, она сама, может, его не заметила, а я заметил.

Вот оно. Теория подтверждается. Тело помнит, и её тело помнит тоже, и сейчас мы это закроем, оба, и завтра я проснусь свободным.

Я наклоняюсь.

Между нами остаётся сантиметр. Я чувствую её тепло, её дыхание, её пальцы, которые вцепились в край стола, — нервы натянуты до предела, вся она натянута, и я почти касаюсь её губ.

И тут она отшатывается.

Стул отъезжает, она встаёт, оказывается в двух шагах, обхватив себя руками, будто ей холодно в натопленном кабинете. Между нами снова расстояние, и она его выстроила за полсекунды.

— Уходи, — говорит она.

Голос дрожит. Она это слышит, злится на себя за это — глаза сверкают, и голос дрожит сильнее.

— Яна.

— Уходи, Стефан. — Она смотрит на меня, и в глазах у неё появляется страх. — Я не знаю, зачем ты пришёл. Но мне всего этого не надо.

Она говорит это, обхватив себя руками, и я встаю и понимаю, что план мой провалился. Тот, с которым я поднимался. Наивный план взрослого человека: закрыть дверь одним движением и уйти свободным.

Потому что я поднимался сюда закрыть дверь. А выхожу с этой дверью настежь.

Ничего не закрылось. Стало только хуже. Я коснулся тепла, увидел, как она смотрит на мои губы, — и теперь это со мной, поверх всего, что было, и никакая ненависть это не перекроет. Я думал, тело меня вылечит одним разом. Оказалось, одним разом такое не лечится.

— Хорошо, — говорю я.

Голос слушается меня плохо. Я встаю, застёгиваю пиджак, иду к двери. У порога останавливаюсь, потому что не остановиться не могу.

— Ты права, — говорю, не оборачиваясь. — Письмом было бы проще.

Я спускаюсь к себе пешком, один пролёт, и всю дорогу большой палец правой руки трёт основание безымянного, где восемь лет назад было кольцо, и я даже не пытаюсь остановить эту руку. Пусть.

На шестом этаже темно и пусто. Я захожу в свой кабинет, сажусь за пустой стол и смотрю в потолок.

Над потолком — она. Стоит сейчас, наверное, всё так же обхватив себя руками, и злится, и боится, и хочет того же, чего хочу я, и держит себя железной волей, которой я в ней всегда восхищался и которую всегда хотел сломать.

Один этаж. Двадцать сантиметров бетона.

Значит, так. Раз одним разом не вышло — сделаю иначе. Я разберу эту её волю по кирпичику. Она сама придёт, сама захочет, сама скажет «да» — потому что хочет уже сейчас, я это видел, а я умею ждать, когда знаю, что объект мой. Дам себе месяц. За это время получу её стану свободным.

Я поднимаю руку и наконец останавливаю большой палец на безымянном.

Месяц. Это даже честно — ей больше и не нужно, чтобы вспомнить, что она моя. А мне — чтобы забыть.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.